

"Я кое-что сказал. Не тебе, нет, потому что я считаю, что когда ты говоришь, это должно принести пользу. В качестве бывшего капитана АНБУ я представил Хокаге рекомендацию уничтожить Учиху до того, как он превратится в нечто большее, чем просто неудобство".

Сакура долго смотрела на Гозена-сана, выражение лица которого выглядело так, словно она не просто порекомендовала какой-то рецепт или что-то столь же обыденное, а не просто призналась, что считает убийство Сасукэ лучшим решением. Какая-то часть ее сознания наконец решилась: "Это ее обыденность".

Другая, куда более меланхоличная, признала: "Когда-нибудь это будет моим обыденным делом".

Но не сегодня, яростно подумала она. Сегодня ей позволено немного ужаснуться комфортной окончательности оценки Гозен-сана.

Она почти не замечала жары, исходящей от досок крыльца, потому что ее глаза были устремлены на Гозен-сан. Она сидела в единственном кресле-качалке, отодвинутом к дальнему краю крыльца, и деловито вязала крючком. Но когда она взглянула вниз, то увидела, что маленькие язычки огня слизывают тлеющую обугленную древесину. Сакура издала в горле придушенный звук, но в маленьком вдохе было много сухого воздуха и дыма, от которого она задыхнулась.

"Во время Второй войны был год, когда у нас в Конохе была очень сильная засуха. Обычно у нас более чем достаточно дождей, а если и нет, то рек хватает. В тот год было не так. А те реки, что не пересохли, отводили в места, максимально удаленные от деревни. Один умный человек в Айве решил, что наш лес может стать нашим костром - мы потеряли тысячи акров земли из-за этого пожара и были ближе, чем многие знают, к потере тысяч человеческих жизней.

"Когда мы приехали, он уже увенчался короной. У них были шиноби с ветром, которые и усиливали пламя, и разгоняли дым, так что к тому времени, когда дозорные заметили это, было уже почти слишком поздно. В общем, это было похоже на попадание в ад на земле", - задумчиво произнес Гозен-сан. "Людей завораживает огонь, но когда он превращается в чудовище, настолько дикое, что не поддается контролю, в глубине примитивной части мозга остается только страх". И на последнем слове мир Сакуры вспыхнул.

Дело было не только в том, что Какаши-сенсей появлялся, когда ему вздумается, чтобы продолжить её тренировки, хотя и настаивал на угощении после них и был гораздо дороже Наруто, но она была почти уверена, что он использует своё влияние, чтобы определить её в определённые команды. В отличие от первой миссии, на двух последних ее прикрепили к уже сформированным командам, и между ними у нее был всего один день простоя.

У нее были подозрения относительно его мотивов. У Сакуры не было небоевой специализации, а это означало, что в любой специально созданной команде она будет "мускулистой". А ее мускулы пока не впечатляли, хотя она и считала, что неплохо справляется с Шино. При

наличии команды это не имело бы большого значения. Без нее ей нужны были и сила, и практичность, иначе она оказалась бы во власти потребностей Конохи.

На миссии, с которой она только что вернулась, она была в составе отряда из пяти человек, которые явно не нуждались в ней, хотя она была ровесницей того, кого наняли сопровождать. По сути, она была двойником девушки на нескольких сложных участках дороги. Именно их полевой медик подошел к ней и временно взял ее под свое крыло, рассказывая о медицинской специализации так же, как глава разведывательного подразделения, с которым она отправилась на задание, рассказывал о сборе и обобщении данных и их соединении с их ресурсами для эффективных действий.

Сакура с готовностью признала, что медицинские дзюцу показались ей очень удобными. У нее были все намерения расширить круг обязательного чтения и, возможно, попросить Хонду-сана подсказать, если она не справится с книгами и животными-"добровольцами".

Но когда она осознала, что программа Цунаде-сама требует, чтобы она не лезла в гущу сражений, даже если речь не идет о защите клиента, она поняла, что не сможет стать полевым медиком. Мало того, что нужно обладать особым холодным рассудком, чтобы смотреть, как твои товарищи принимают на себя основную тяжесть урона, не применяя на практике все лекции Какаши-сенсея о командной работе, она просто не была настолько храброй.

Это было странно и нелогично, но для нее стоять на месте, сражаясь только в обороне, означало балансировать на краю опасной пропасти. Один маленький неверный шаг - и отступление, не имеющее ничего общего с перегруппировкой, а только с бегством. Каждая миссия - это прежде всего битва с самой собой. И сделать шаг вперед, подвергая себя боли, травмам, возможной смерти, - значит выиграть битву. Если бы она просто стояла, если бы просто наблюдала за происходящим, находясь в безопасности и защищенная своей ролью, она знала, что наступит момент, когда она вообще не сможет участвовать в полевых миссиях. Страх победит, самодовольство уничтожит страх позора, гордость и патриотизм, которые позволяли ей двигаться вперед, несмотря ни на что.

Когда наблюдаешь только за спинами других, думала она, очень легко думать, что никто не заметит. Можно начать с малого. Меньше желания бросаться в бой, медленнее рисковать. Пока никто не заметит, если я вообще не приду. Она все лучше узнавала себя. Она уже не представляла себе, как рационалистично вживается в роль, далекую от полевых условий.

И, несмотря на то, что иногда ей совсем не хотелось там находиться, это было похоже на предательство. Кого именно, она сказать не могла, но это чувство засело в ее голове и сердце так же прочно, как и страх. Ей хотелось думать, что это не просто гордость, что она глубоко усвоила командную работу Конохи, но гордость была на месте, а неизбежный груз чужого мнения поддерживал ее всякий раз, когда она вздрагивала.

Как бы то ни было, если это были намеки Какаши-сенсея на то, где могут скрываться ее возможные таланты, то она была более чем наполовину уверена, что сошла с ума, отдав предпочтение силовой разведке. В военное время от них ожидали не только выполнения ограниченных разведывательных функций в глубине вражеской территории, но и проведения

операций ограниченного масштаба без поддержки, после чего они исчезали, как тени в солнечном свете. В мирное время их специализацией были эвакуация, захват заложников и похищение людей. Миссии, которые требовали от них быстрого передвижения, бесшумности и импровизации.

Это было похоже на все кошмарные миссии, в которых ей доводилось участвовать, поэтому она надеялась, что время принесет другие задания. Другие варианты.

Сакура была настолько увлечена размышлениями о будущем, в котором она добровольно окажется в таком положении, что присутствие в доме постороннего человека стало для нее полной неожиданностью. Легко ступая по половицам, она направилась в сторону кухни, откуда доносились тихие звуки, которые она вовсе не считала вторжением в дом. Скорее всего, Какаши-сенсей просто разграбил закуску, которые не были устаревшими в это время в прошлом году.

Поэтому она не была готова к тому зрелищу, которое её встретило. "Мама?" - вздохнула она, запоздало вспомнив, что знала о её приходе. Где-то наверху висел календарь, на котором была аккуратно написана дата, а затем обведена раз двадцать для пущей убедительности.

Харуно Мебуки повернулась, и глаза ее расширились при виде дочери. Сакура была несказанно рада, что встреча со специалистом прошла удачно, и ее лицо снова осталось без шрамов. Она даже не думала, что выглядит особенно плохо, но, конечно, мать не видела ее уже некоторое время. И Сакура сомневалась, что ее внимание привлекли те несколько несчастных сантиметров, которые она набрала с момента окончания школы. Она поняла, что одна ее рука вцепилась в противоположную руку, а другая удобно легла на один из ножей.

Это была защитная поза, и она попыталась заставить себя расслабить ее, чтобы броситься в объятия матери, но ноги словно проросли корнями, пока она не смотрела. Поэтому именно мать сократила расстояние между ними, заключив Сакуру в свои объятия. Этот жест вернул ее в детство, донесшийся до нее запах матери и безопасность, которую она всегда там находила. Одна из маминых рук легла на затылок Сакуры, легко перебирая ее потные спутанные волосы.

"О, Сакура", - вздохнула мать.

"Мама", - пробормотала Сакура, чуть не задохнувшись от того, что ей нужно было сказать. Но в данный момент она просто прижалась к единственной женщине в мире, которая могла сделать все лучше, просто находясь рядом. Ее Баба могла бы сделать то же самое, может быть, даже лучше, но ее уже давно нет в живых. Ушла, ушла, ушла, как ушли ее мать и отец, как Сасукэ, как Наруто.

Все всегда оставляли ее позади.

Она не плакала с тех пор, как узнала новость. Но внезапно она зарыдала и не могла заставить себя остановиться.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3441051>